

Я еще вернусь к этому инциденту, бывшему первым проявлением раскола, который неизбежно должен был произойти между народом Лиона и республиканскими властями, как муниципальными, выборными, так и назначенными правительством Национальной Обороны. Я ограничусь теперь, дорогой друг, указанием на более чем странное противоречие, существующее между чрезвычайной, непомерной, скажу даже, непростительной терпимостью этого правительства по отношению к людям, разорившим, обесчестившим, продавшим и продолжающим еще и ныне продавать страну, и драконовской строгостью, проявляемой им по отношению к республиканцам, которые были гораздо более республиканцами и революционерами, чем оно само. Можно подумать, что диктаторская власть была дана ему не революцией, но реакцией, чтобы свирепствовать против революции, и что лишь ради продолжения маскарада империи оно называет себя республиканским правительством.

Можно подумать, что оно освободило и выпустило из тюрем самых ревностных и наиболее скомпрометированных слуг Наполеона III лишь для того, чтобы очистить место для республиканцев. Вы были свидетелем, а отчасти также и жертвой той готовности и той грубости, с какими они их преследовали, изгоняли, арестовывали и заключали в тюрьмы. Они не удовлетворялись этими *легальными и официальными* преследованиями, они прибегли к самой бесчестной клевете. Они осмелились заявить, что эти люди, которые среди официальной лжи, уцелевшей от империи и продолжающей разрушать последние надежды Франции, отважились сказать народу правду, всю правду, что эти люди были подкупленные пруссаками агенты.

Они освобождали бонапартистов, этих заведомых, уличенных «французских пруссаков» – ибо кто может теперь усомниться в явном союзе Бисмарка со сторонниками Наполеона III? Они сами устраивают делишки наступающего врага; во имя не знаю какой смешной легальности и правительственного курса, существующего лишь на бумаге да в их фразах, они повсюду парализуют народное движение, самопроизвольное восстание, вооружение и организацию коммун, которые одни только и могут спасти Францию в тех ужасных обстоятельствах, в каких находится страна. И тем самым они, «национальные оборонцы», сами неизбежно выдают Францию пруссакам. И, не довольствуясь арестом людей, явных революционеров, коих единственное преступление заключается в том, что они осмеливаются выяснить их неспособность, беспомощность и недобросовестность и указывают единственное средство спасения для Франции, они позволяют еще себе бросать им в лицо это гнусное прозвище пруссаков!

О, как был прав Прудон, говоря (позвольте мне привести целый отрывок, который слишком прекрасен и слишком справедлив, чтобы можно было выкинуть из него хоть слово): «Увы, именно свои и оказываются всегда предателями! В 1848 г., как в 1793-м, ограничивали революцию сами представители ее. Наша республика, как и старый якобинизм, все так же не что иное, как *дурное настроение буржуазии*, без принципа и без плана, *которая хочет и не хочет*; которая вечно ворчит, подозревает и тем не менее остается в дураках; *которая повсюду за пределами своей шайки только и видит, что крамольников и анархистов*, которая, роясь в архивах полиции, только и умеет открыть там действительные или предполагаемые слабости патриотов; которая запрещает культ Шателя и заставляет парижского архиепископа служить обедни; *которая на все вопросы избегает называть вещи своими именами из страха скомпрометировать себя, воздерживается во всем, никогда ни на что не решается, подозрительно относится к ясным доводам и определенным позициям*. Не тот же ли это все Робеспьер, *говорун без инициативы*, считающий Дантона слишком деятельным, порицающий великодушное дерзание, на которое чувствует сам себя неспособным; воздерживающийся 10 августа (подобно Гамбетта и Ко до 4 сентября), не одобряющий и не порицающий сентябрьскую резню (как эти самые граждане – объявление республики народом Парижа); вотирующий Конституцию 1793 г. и отсрочку ее применения до заключения мира; громящий праздник *Разума* и устраивающий праздник *Высшего Существа*; преследующий Каррье и поддерживающий Фукье-Тэнвиля; дающий поцелуй мира Камиллу Демулэну утром, а ночью дающий приказ арестовать его; предлагающий отмену смертной казни и редактирующий закон 22 прэриала; превозносящий по очереди аббата Сийэса, Мирабо, Барнава, Петiona, Дантона, Марата, Эбера и затем посылающий на гильотину и ссылающий одного за другим: Эбера, Дантона, Петiona, Барнава, первого – как анархиста, второго – как снисходительного, третьего – как федералиста, четвертого – как конституционалиста; *не уважающий никого, кроме правящей буржуазии* и строптивого духовенства; *дискредитирующий революцию* то по поводу церковной присяги, то путем ассигнаций; щадящий лишь тех, кто находил прибежище в молчании или самоубийстве, и умирающий, наконец, в тот день, когда, оставшись почти один с людьми золотой середины, он